

легко было сговориться между собой и провести в общинном управлении, избранном ими одними, решение о продаже общиной или об аренде у нее лучших участков, нередко лишая этим более бедных крестьян права пользования угодьями, без которых им прожить было трудно. Так было, несомненно, в Бретани (и вероятно, также в Вандее), где, как видно из самых законов 1793 г., все крестьяне пользовались раньше правами на обширные угодья: выгоны, пустоши, заросли и т. п. Эти права начала теперь оспаривать и отнимать у них сельская и городская буржуазия.

Одновременно с этим сельская буржуазия, хотя и стремилась вернуть общинам земли, отобранные у них дворянами в силу указа 1669 г., требовала также, и в этом находила поддержку в Законодательном собрании, разверстки общинных земель. Более зажиточные крестьяне, конечно, понимали, что разверстка, если она будет дозволена при существующих порядках, пойдет им на пользу. Впрочем, как Учредительное, так и Законодательное собрания вплоть до августа 1792 г. ничего не решили. Оба противились всякому решению, невыгодному для помещиков, и ничего не предпринимали¹.

Но после 10 августа 1792 г., накануне своего роспуска, Законодательное собрание решилось кое-что сделать по вопросу об общинных землях, и то, что оно сделало, было всецело на пользу буржуазии.

Когда депутат Майль внес 25 августа 1792 г. вполне разработанный проект закона, имевшего в виду уничтожить последствия указа 1669 г. и вернуть общинам земли, отобранные у них за последние 200 лет, этот проект не был принят. Но зато уже 14 августа Законодательное собрание, по предложению Франсуа (из Нёшато), постановило под шумок следующее:

1) Начиная с нынешнего года немедленно после уборки хлебов все общинные земли и общинные права, иные, чем на леса, будут разделены между всеми гражданами каждой общины; 2) эти граждане получают свои участки в полную собственность; 3) общинные земли, известные под названием *пустошей и остатков* (*sursis*), будут также разверстаны между жителями и 4) для определения способов раздела Комитет земледелия представит не позже трех месяцев проект закона².

Этим же законом Собрание уничтожало круговую поруку в уплате повинностей и податей.

Таким образом, исподтишка наносился общинному землевладению смертельный удар в ту минуту, когда общественное мнение, взволнованное взятием Тюильри, занято было совершенно другим. Закон был составлен при этом с такой неряшливостью и так поверхностно решал в нескольких строках самые коренные вопросы сельской жизни, что некоторое время я не мог поверить, чтобы текст, данный Даллозом в его известном «Сборнике» и приведенный выше, был полным текстом закона, а не сокращенным его изложением. Оказалось, однако, что это и есть полный текст декрета, который одним росчерком пера уничтожил общинное землевладение во Франции и лишал значительную часть крестьян всякого права на мирские земли.

Теперь нам понятно озлобление, вызванное этим законом среди более бедного крестьянства против республиканцев. Его поняли, конечно, как приказание поделить мирские земли между одними *гражданами* (включая сюда выгоны и пастбища, которыми пользовались все *жители*). Это был прямой грабеж на пользу сельской буржуазии. Одного этого закона с его параграфом 3 было бы достаточно, чтобы поднять против республики бретонских крестьян.

Уже три недели спустя в Законодательное собрание был внесен доклад, в котором указывалось, что проведение этого закона в жизнь встречает такое противодействие со стороны крестьян, что прилагать его к делу невозможно. Но Собрание ничего не решило. Оно так и разошлось, не отменив своего решения. Закон был отменен только в октябре Конвентом, который решил, что ввиду затруднений, встреченных в применении этого закона, «обрабатываемые общинные земли будут обрабатываться и засеиваться, как было раньше, согласно местному обычаю, вплоть до их разверстки; и граждане, совершившие оную обработку и посев, воспользуются жатвой того, что вырастили своим трудом!»³

На этой уступке, на этой малопонятной полумере дело и остановилось, покуда жирондисты

¹ Уже в Учредительном собрании Робеспьер требовал отмены указа 1669 г. и возврата общинам земель, которыми «города, посадки и деревня провинции Артуа владели с незапамятных времен» и от удержания, которых за ними «зависели обилие скота, успешность земледелия и льноводство». Эти земли, говорил он, были отняты у общин интендантами и штатами провинции Артуа, чтобы обогащать ими чиновников и помещиков. Он требовал поэтому отмены закона 1669 г. (*Motion de Robespierre, au nom de la province d'Artois et des provinces de Flandre, de Hainaut et de Cambresis, pour la restitution des biens nationaux envahis par les seigneurs. Imprimerie Nationale, 1791. Коллекция брошюр Британского музея*).

² *Dalloz M. D. Jurisprudence generale du royaume. Repertoire methodique et alphabetique de legislation, de doctrine et de jurisprudence, v 1–44 Paris, 1845–1870, v. 9, p. 185–186.*

³ *Ibid.*, p. 186.